

АРИСТОТЕЛЬ

*Никомахова
этика*

Санкт-Петербург

УДК 17
ББК 87.7
А 81

Перевод с древнегреческого Нины Брагинской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

- © Н. В. Брагинская, перевод, примечания,
указатель, 1983, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19016-0

КНИГА ПЕРВАЯ (А)

1 (I). Всякое искусство и всякое учение, а равным 1094а
образом поступок (праxis) и сознательный выбор, как
принято считать, стремятся к определенному благу.
Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все
стремится¹. В целях, однако, обнаруживается некото-
рое различие, потому что одни цели — это деятельно-
сти (energeiai), другие — какие-то при них результаты 5
(erga). В случаях, когда существуют некие цели поми-
мо действий (праxeis), результатам естественно быть
лучше деятельностей².

Так как действий, искусств и наук³ много, много
бывает и целей. У врачевания — это здоровье, у судо-
строения — судно, у военачалия — победа, у хозяй-
ствования — богатство. Поскольку ряд таких [искусств
и наук] подчиняется одному какому-нибудь умению 10
(dynamis) — подобно тому как искусство делать уздеч-
ки и все прочее, что относится к конской сбруе, под-
чинено искусству править лошадьми, а оно, как и вся-
кое действие в военном деле, в свою очередь подчине-
но искусству военачалия, и остальные искусства точно
так подчинены [каким-то] другим, — постольку во
всех случаях цели управляющих (arkhitektonikai) [ис-
кусств и наук] заслуживают предпочтения (hairētōtera) 15
перед целями подчиненных; в самом деле, ведь по-
следние преследуют ради первых⁴.

При этом безразлично, сами ли деятельности — цели поступков, или цели — это нечто иное, от них отдельное, как в случае с названными выше науками⁵.

(II). Если же у того, что мы делаем (*ta prakta*), существует некая цель, желанная нам сама по себе, причем остальные цели желанны ради нее и не все цели мы избираем (*hairoumetha*) ради иной цели (ибо так мы уйдем в бесконечность, а значит, [наше] хотение бессмысленно и тщетно), то ясно, что цель эта есть собственно благо (*tagathon*), т. е. наивысшее благо (*to ariston*).

Разве познание его не имеет огромного влияния на образ жизни? И словно стрелки, видя мишень перед собою, разве не вернее достигнем мы должного?⁶

25 А если так, надо попытаться хотя бы в общих чертах представить себе, что это такое и к какой из наук или какому из умений имеет отношение. Надо, видимо, признать, что оно [высшее благо] относится к ведению главной науки, которая является собственно управляющей. А такой представляется наука о государстве [или политика]⁷. Ведь это она устанавливает, какие науки нужны в государстве и какие науки
1094b и в каком объеме должен изучать каждый. Мы видим, что наиболее почтенные умения, как то: умения в военачалии, хозяйствовании и красноречии — подчинены этой науке. А поскольку наука о государстве пользуется остальными науками как средствами⁸ и, кроме
5 того, законодательно определяет, какие поступки следует совершать или от каких воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а следовательно, эта цель и будет высшим благом для людей.

Даже если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение. Желанно (*agapeton*),
10 разумеется, и благо одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государств⁹.

Итак, настоящее учение как своего рода наука о государстве стремится к этому, [т. е. достижению и сохранению блага государства] как к своей цели¹⁰.

(III). Рассуждение будет удовлетворительным, если удастся добиться ясности, сообразной предмету, подлежащему [рассмотрению]. Ведь не во всех рассуждениях (*logoi*), так же как не во всех изделиях ремесла, следует добиваться точности в одинаковой степени. Между тем в «прекрасном» и «правосудном», что, собственно, имеет в виду наука о государстве, заключено столько разного и расплывчатого, что начинает казаться, будто [«прекрасное» и «правосудное»] возможно только условно (*nomoi*), а от природы (*physei*) этого нет. Такая же своего рода расплывчатость заключена в [слове] «блага», потому что многим от благ бывает вред. Ведь известно, что одних сгубило богатство, других — мужество. Поэтому при подобных предметах рассуждений и подобных предпосылках¹¹ желательно (*agapeton*) указать на истину приблизительно и в общих чертах, а рассуждая о том, что имеет место лишь в большинстве случаев и при соответствующих предпосылках, и выводы [распространять лишь на большинство случаев]. Конечно, таким же образом нужно воспринимать и каждое наше отдельное высказывание; ведь человеку образованному свойственно добиваться точности для каждого рода [предметов] в той степени, в какой это допускает природа предмета (*pragma*). Одинаково [нелепым] кажется как довольствоваться правдоподобными рассуждениями математика, так и требовать от ритора строгих доказательств.

Всякий между тем правильно судит о том, в чем сведущ, и именно для этого он добродетельный судья (*agathos kritēs*). Это значит, что [добродетельный] в частном и образован применительно к частному, а вообще [добродетельный] образован всесторонне.

Вот почему юноша — неподходящий слушатель науки о государстве: ведь у него нет жизненного опыта (*kata ton bion praxeis*), а из опыта [исходят] и с ним
5 [связаны наши] рассуждения. Кроме того, покорный страстям, напрасно он будет слушать, т. е. без пользы, между тем как цель [данной науки] не познание, а поступки. Не важно, впрочем, годами ли молод человек, или он юноша нравом, ибо этот недостаток бывает не от возраста, а от того, что по страсти живут и преследуют
10 всякую [цель]. Таким людям познание не помогает, так же как невоздержным, но для тех, чья воля и поступки подчиняются суждению (*kata logon*), знать подобные вещи будет в высшей степени полезно.

Будем считать, что о слушателе, о способе доказательства и о самом предмете для введения сказано [достаточно].

2 (IV). Поскольку всякое познание и всякий сознательный выбор хотят того или иного блага, вернемся
15 опять к рассуждению: к чему, по нашему определению, стремится наука о государстве и что есть высшее из всех благ, осуществляемых в поступках (*akrotaton tōn praktōn agathōn*).

Относительно названия сходятся, пожалуй, почти все, причем как большинство, так и люди утонченные называют [высшим благом] счастье¹², а под благодеянием (*to eu dzēn*) и благополучием (*to eu prattein*) подразумевают то же, что и под счастливой жизнью
20 (*to eudaimonein*). Но в вопросе о том, что есть счастье, возникает расхождение, и большинство дает ему иное определение, нежели мудрецы.

В самом деле, для одних счастье — это нечто наглядное и очевидное, скажем удовольствие, богатство или почет — у разных людей разное; а часто [даже] для одного человека счастье — то одно, то другое: ведь, заболев, [люди видят счастье] в здоровье, впав в нуж-

ду — в богатстве, а зная за собой невежество (agnoia), 25
восхищаются теми, кто рассуждает о чем-нибудь ве-
ликом и превышающем их [понимание].

Некоторые думали¹³, что помимо этих многочис-
ленных благ есть и некое другое — благо само по себе,
служащее для всех этих благ причиной, благодаря ко-
торой они суть блага.

Обсуждать все мнения (doxai), вероятно, бесполез-
но, достаточно обсудить наиболее распространенные 30
или же такие, которые, как кажется, имеют известные
основания (logon). Мы не должны упускать из виду,
что рассуждения, отправляющиеся от начал и при-
водящие к началам, различны. Платон тоже правиль-
но задавался этим вопросом и спрашивал, от начал
или к началам [идет] путь [рассуждений] — как на ста-
дионе, бегут или от атлететов до меты или наобо- 1095b
рот¹⁴. Начинать, конечно, надо с известного, а оно бы-
вает двух видов: известное нам и известное безот-
носительно (haplōs)¹⁵. Так что нам, вероятно, следует
все-таки начинать с известного нам. Вот почему, что-
бы сделаться достойным слушателем [рассуждений]
о прекрасном и правосудном и вообще о предметах
государственной науки, нужно быть уже хорошо вос- 5
питанным в нравственном смысле¹⁶. В самом деле,
начало — это то, что [есть] (to hoti), и, если оно доста-
точно очевидно, не будет надобности еще и в «поче-
му» (to dioti). Такой [хорошо воспитанный человек]
или владеет началами, или легко может их приобре-
сти. А тот, кому не дано ни того ни другого¹⁷, пусть по-
слушает Гесиода:

Тот наилучший над всеми, кто всякое дело способен 10
Сам обсудить и заране предвидеть, что выйдет из дела.
Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
В толк не берет — человек пустой и негодный¹⁸.

3 (V). Продолжим рассуждение с того места, где
15 мы отошли в сторону¹⁹. Видимо, небезосновательно
благо и счастье представляют себе, исходя из [собст-
венного] образа жизни. Соответственно большинст-
во, т. е. люди весьма грубые (phortikōtatoi), [разумеют
под благом и счастьем] удовольствие, и потому для
них желанна жизнь, полная наслаждений. Действи-
тельно существует три основных [образа жизни]: во-
первых, только что упомянутый, во-вторых, государ-
ственный и, в-третьих, созерцательный.

20 И вот большинство, сознательно избирая скотский
образ жизни, полностью обнаруживает свою измен-
ность, однако находит оправдание в том, что страсти
многих могущественных людей похожи на страсти
Сарданапалла²⁰.

Люди достойные и деятельные (praktikoi) [пони-
мают под благом и счастьем] почет, а цель государ-
ственного образа жизни почти это и есть. Но и такое
кажется слишком поверхностным в сравнении с ис-
комым [благом]. Действительно, считается, что почет
25 больше зависит от тех, кто его оказывает, нежели от
того, кому его оказывают, а в благе мы угадываем не-
что внутренне присущее и неотчуждаемое. Кроме то-
го, почет ищут, наверно, для того, чтобы удостове-
риться в собственной добродетели. Поэтому доби-
ваются почета у людей рассудительных и знакомых
30 и [притом почета] за добродетель. Ясно, стало быть,
что по крайней мере для таких людей добродетель
лучше почета. Вероятно, ее даже лучше было бы пред-
ставить себе целью государственного образа жизни.
Но оказывается, и она не вполне совпадает с этой це-
лью. В самом деле, обладать добродетелью можно,
1096b как кажется, и во время сна или всю жизнь бездей-
ствуя, а, кроме того, обладая ею, можно пережить бе-
ды и величайшие несчастья. Но того, кто так живет,
пожалуй, не назовешь счастливецом, разве только от-

стаивая положение [своего учения]. Но довольно об этом. Об этом ведь достаточно было сказано в сочинениях для широкого круга²¹.

Третий образ жизни — созерцательный. Мы рассмотрим его впоследствии²².

[Жизнь] стяжателя как бы подневольная, и богатство — это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно²³, т. е. существует ради чего-то другого. Потому-то названные ранее [удовольствие и почет] скорее можно представить себе целями, ибо они желанны сами по себе. Но оказывается, и они не цели, хотя в пользу того [что они цели] приведено много доводов²⁴. Итак, 10 оставим это.

4 (VI). Лучше все-таки рассмотреть [благо] как общее [понятие] (to katholoy) и задаться вопросом, в каком смысле о нем говорят, хотя именно такое изыскание вызывает неловкость, потому что идеи (ta eidē) ввели близкие [нам] люди (philoï andres)²⁵. И все-таки, 15 наверное, предпочтительно и должно — во всяком случае, ради спасения истины — отказаться даже от дорогого и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя и то и другое дорого, долг благочестия — истину чтить выше.

Основатели этого учения (doxa) не создали идей (ideai), внутри которых определялось бы первичное и вторичное; именно поэтому не создали они идею чисел²⁶. Что же касается блага, то оно определяется [в категориях] сути, качества и отношения, а между 20 тем, [существующее] само по себе (to kath' hayto), т. е. сущность (oysia), по природе первичнее отношения — последнее походит на отросток, на вторичное свойство сущего (toy ontos), а значит, общая идея для [все-го] этого невозможна²⁷.

И вот если «благо» имеет столько же значений, сколько «бытие» (to on) (так, в категории сути благо

25 определяется, например, как бог и ум, в категории качества, — например, как добродетель, в категории количества — как мера (to metrion), в категории отношения — как полезное, в категории времени — как своевременность (kairos), в категории пространства — как удобное положение и так далее), то ясно, что «благо» не может быть чем-то всеобъемлюще общим и единым. Ведь тогда оно определялось бы не во всех категориях, а только в одной.

30 Далее, поскольку для [всего], что объединяется одной идеей, существует одна наука, то и для всех благ существовала бы тогда какая-то одна наука²⁸. В действительности же наук много, даже [для благ, подпадающих] под одну категорию. Так, например, благо с точки зрения своевременности, если речь идет о войне, определяется военачалием, а если речь идет о болезни — врачеванием; или благо с точки зрения меры для питания определяется врачеванием, а для телесных нагрузок — гимнастикой.

35 Может возникнуть вопрос: что же все-таки хотят сказать, [добавляя] «само-по-себе» (aytoekaston) к от-
1096b дельному [понятию], коль скоро «человек сам по себе» (aytoanthrōpos) и «человек» — одно и то же понятие, а именно [понятие] «человек»^{28a}. В самом деле, в той мере, в какой речь идет о человеке, [«человек» и «сам по себе человек»] не различаются между собой, а если так, то [благо само по себе и частное благо] тоже не отличаются именно как блага. К тому же [благо само по себе] не будет благом в большей степени [чем частное благо] даже оттого, что оно вечное,
5 раз уж долговечный белый предмет не белее недолговечного.

(Вероятно, убедительней высказывание об этом пифагорейцев, которые помещают единое (to hen) в один ряд с благами (им, очевидно, следовал также

Спевсипп). Но это должно быть предметом особого рассуждения.²⁹⁾

Известное противоречие в этих высказываниях возникает потому, что суждения [платоников] имели в виду не всякое благо; как соответствующие одной 10 идее определяются блага привлекательные и желанные сами по себе; то же, что их создает, или охраняет, или препятствует тому, что им враждебно, определяется как благо из-за этой [отнесенности], т. е. в другом смысле. Ясно, что о «благах» тут говорят в двух смыслах: одни блага — это блага сами по себе, а другие — как средства для первых. А потому, отделив 15 блага сами по себе от вспомогательных, посмотрим, можно ли определять первые как объединенные одной идеей. Какие же блага можно полагать благами самими по себе? Те ли, что привлекательны, хотя бы к ним ничего не добавлялось, скажем рассудительность (*to phronein*), зрение, какое-нибудь удовольствие и почет? В самом деле, даже если они привлекательны из-за чего-то другого, все равно их можно относить к благам самим по себе. Или же ничто иное, 20 кроме идеи [блага самого по себе], не есть [благо само по себе]? Но тогда эта идея будет бессмысленна. А если и те [названные выше блага] относятся к [благам самим по себе], тогда во всем этом понятие (*logos*) блага вообще (*tagathon*) должно будет выявляться как тождественное, подобно тому как понятие белизны тождественно для снега и белил. Между тем понятия почета, рассудительности и удовольствия именно как благ различны и не совпадают друг с другом³⁰. Следо- 25 вательно, «благо» как нечто общее, объединенное одной идеей, не существует.

В каком же тогда смысле говорят «блага»? Во всяком случае, непохоже, чтобы [разные вещи] случайно назывались одинаково. Не в том ли дело, что все бла-

га из одного [источника] или служат чему-то одному? Или скорее [они называются благами] по аналогии?³¹ Так, например, зрение в теле — как ум в душе (или еще что-нибудь еще в чем-то).

30 Впрочем, сейчас эти [вопросы] все-таки следует оставить, потому что уточнять их более свойственно другой [части] философии, так же как [все] связанное с «идеей»: в самом деле, даже если есть единое благо, которое совместно сказывается [для разных вещей], или же некое отдельное само по себе благо, ясно, что человек не мог бы ни осуществить его в поступке (prakton), ни приобрести (ktêton); а мы сейчас ищем
35 именно такое.

1097a Может показаться, что было бы лучше знать это [благо само по себе], если иметь в виду те блага, которые можно приобретать и осуществлять: ведь, беря его за образец, мы лучше будем знать, что блага для нас, а зная это, сумеем их добиться. Хотя этот довод (logos) и выглядит убедительным, он, по-видимому, противоречит [опыту] наук³². Все они стремятся к известному благу и пытаются найти недостающее, однако не касаются познания [блага самого по себе]. Странно, однако, как это ни один мастер не знает такого подспорья и не пытается его найти. И в то же время невозможно представить себе, какая польза будет ткачу или плотнику для их искусства, если они знают это самое благо [само по себе], или каким образом благодаря уразумению (tetheamenos) этой идеи врач станет в каком-то смысле лучшим врачом, а военачальник — лучшим военачальником. Ведь очевидно, что врач рассматривает здоровье не так [т. е. не вообще], а с точки зрения здоровья человека, и скорее даже здоровья «вот этого» человека, ибо он врачует каждого в отдельности. Будем считать, что об этом сказано.

5 (VII). Вернемся теперь к искомому благу: чем оно 15
могло бы быть? Кажется, что оно различно для раз-
личных действий и искусств: одно благо для враче-
вания, другое — для военачалия и точно так же для
остального. Что же тогда вообще благо в каждом слу-
чае? Может быть, то, ради чего все делается? Для вра- 20
чевания — это здоровье, для военачалия — победа,
для строительства — дом и т. д., а для всякого действия
и поступка (praxis) и сознательного выбора (proairē-
sis) — это цель, потому что именно ради нее все дела-
ют (prattoysi) все остальное. Поэтому, если для всего,
что делается (ta prakta), есть некая цель, она-то и бу-
дет благом, осуществляемым в действии (to prakton
agathon), а если таких целей несколько, то, соответ-
ственно, и благ несколько.

Итак, избрав другой путь, рассуждение приходит
все к тому же; и это надо постараться сделать еще бо- 25
лее ясным.

Поскольку целей несколько, а мы выбираем из них
какую-то определенную (например, богатство, флей-
ты³³ и вообще орудия) как средство для другого, по-
стольку ясно, что не все цели конечны. А наивысшее
благо представляется чем-то конечным и совершен-
ным³⁴. Следовательно, если существует только какая-
то одна конечная цель, она и будет искомым [благом], 30
если же целей несколько, то [искомое благо] — самая
из них совершенная [т. е. безусловно конечная]. Цель,
которая привлекательна сама по себе, мы считаем бо-
лее совершенной, чем привлекательная как средство
для другого, причем цель, которую никогда не изби-
рают как средство для другого, считаем более совершен-
ной, чем цели, которые избирают (как) сами по
себе, так и в качестве средств для другого, а безуслов-
но совершенной называем цель, избираемую всегда
саму по себе и никогда как средство. Принято счи-
тать, что прежде всего такой целью является счастье. 1097b

Ведь его мы всегда избираем ради него самого и никогда ради чего-то другого, в то время как почет, удовольствие, ум и всякая добродетель избираются как ради них самих (ибо на каждом из этих [благ], пусть из него ничего не следует, мы бы все-таки остановились 5
ли выбор), так и ради счастья, ибо они представляют нам средствами к достижению счастья. Счастье же никто не избирает ни ради этих [благ], ни ради чего-то другого.

То же самое получится, если исходить из самодостаточности, потому что совершенное благо считается самодостаточным. Понятие самодостаточности мы применяем не к одному человеку, ведущему одинокую 10
жизнь, но к человеку вместе с родителями и детьми, женой и вообще всеми близкими и согражданами, поскольку человек — по природе [существо] общественное³⁵. Но здесь надо принять известное ограничение: в самом деле, если расширять [понятие общества] до предков³⁶ и потомков и до друзей наших друзей, то придется уйти в бесконечность. Но это следует рассмотреть в своем месте³⁷. [Здесь] мы полагаем само- 15
достаточным то, что одно только делает жизнь достойной избрания и ни в чем не нуждающейся, а таковую мы и считаем счастьем. Кроме того, [мы считаем, что счастье] больше всех [благ] достойно избрания, но в то же время не стоит в одном ряду с другими. Иначе счастье, разумеется, [делалось бы] более достойным избрания с [добавлением даже] наименьшего из благ, потому что добавлением создается перевес в благе, а большее из благ всегда достойнее избрания. И так, 20
счастьем как целью действий и поступков оказывается нечто совершенное [конечное] и самодостаточное.

6. Впрочем, именование счастья высшим благом кажется чем-то общепризнанным, однако непременно нужно отчетливее определить еще и его суть. Мо-

жет быть, это получится, если принять во внимание «дело» (ergon) человека, ибо, подобно тому как у флей- 25
тиста, ваятеля и всякого мастера да и вообще [у тех],
у кого есть определенное дело (ergon) и занятие (pra-
xis), собственно благо и совершенство (to eu) заклю-
чены в их деле, точно так, по-видимому, и у челове-
ка [вообще], если только для него существует [опреде-
ленное] «дело». Но возможно ли, чтобы у плотника
и башмачника были определенные дела и занятия,
а у человека не было бы никакого дела и чтобы он по 30
природе был бездельник (argos)? Если же подобно то-
му, как для глаза, руки, ноги и вообще каждой из час-
тей [тела] обнаруживается определенное дело, так
и у человека [в целом] можно предположить помимо
всего этого определенное дело? Тогда что бы это мог-
ло быть?

В самом деле, жизнь представляется [чем-то] об-
щим как для человека, так и для растений, а искомое
нами присуще только человеку. Следовательно, нуж- 1098a
но исключить из рассмотрения жизнь с точки зрения
питания и роста (threptikē kai auxētikē)³⁸. Следующей
будет жизнь с точки зрения чувства, но и она со всей
очевидностью есть то общее, что имеется и у лошади,
и у быка, и у всякого живого существа. Остается, та-
ким образом, какая-то деятельная (praktikē) [жизнь]
обладающего суждением [существа] (to logon ekhon). 5
〈Причем одна его [часть] послушна суждению, а дру-
гая обладает им и мыслит.〉³⁹ Хотя и эта [жизнь, жизнь
разумного существа] определяется двояко, следует по-
лагать ее [именно] деятельностью, потому что это зна-
чение, видимо, главнее⁴⁰.

Если дело человека — деятельность души, согласо-
ванная с суждением или не без участия суждения,
причем мы утверждаем, что дело человека по роду
тождественно делу добропорядочного (spoudaios) че- 10
ловека, как тождественно дело кифариста и изрядно-

го (sroudaïos) кифариста, и это верно для всех вообще случаев, а преимущества в добродетели — это [лишь] добавление к делу: так, дело кифариста — играть на кифаре, а дело изрядного кифариста — хорошо играть, — если это так, (то мы полагаем, что дело человека — некая жизнь, а жизнь эта — деятельность души и поступки при участии суждения, дело же добропорядочного мужа — совершать это хорошо (to eu) и прекрасно в нравственном смысле (kalōs), и мы полагаем, что каждое дело делается хорошо, когда его исполняют сообразно присущей (oikeia) ему добродетели; если все это так)⁴¹, то человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько — то сообразно наилучшей и наиболее совершенной [т. е. конечной]⁴². Добавим к этому: за полную [т. е. законченную человеческую] жизнь. Ведь одна ласточка не делает весны и один [теплый] день тоже; точно так же ни за один день, ни за краткое время не делаются блаженными и счастливыми.

7. Итак, пусть это и будет предварительное описание [высшего человеческого] блага, потому что сначала нужно, наверное, дать общий очерк, а уже потом подробное описание⁴³.

Всякий, пожалуй, может развить и разработать то, для чего есть хорошее предварительное описание, да и время в таких делах добрый подсказчик и помощник, отсюда и успехи в искусствах: всякий может до-
25 бавить недостающее.

Надо, однако, памятуя сказанное ранее, не добиваться точности во всем одинаково, но в каждом случае сообразовываться с предметом, подлежащим [рассмотрению, и добиваться точности] в той мере, в какой это присуще данному способу исследования

(methodos). Действительно, по-разному занимается прямым углом плотник и геометр, ибо первому [он нужен] с такой [точностью], какая полезна для дела, 30 а второму [нужно знать] его суть или качества, ибо он зритель истины⁴⁴. Подобным образом следует поступать и в других случаях, чтобы [как говорится] «задел не больше дела был».

Не следует также для всего одинаково доискивать- 1098b ся причины, но в иных случаях достаточно правильно указать, что [нечто имеет место] (to hoti), как и в связи с началами, ибо что [дано] (to hoti) — это первое и начало. Одни из начал постигаются через наведение, другие — чувством, третьи — благодаря некоему приучению (ethismōi), а другие — еще как-то иначе⁴⁵. Нужно стараться «преследовать» каждое начало по тому пути⁴⁶, который отвечает его природе, и позаботиться о правильном выделении [начал]: ведь начала имеют огромное влияние на все последующее. В самом деле, считается, что начало — это больше половины всего [дела]⁴⁷ и благодаря [началу] выясняется многое из того, что мы ищем.

8 (VIII). Исследовать это [начало, т. е. счастье] нужно исходя не только из выводов и предпосылок [нашего] определения^{47a}, но также из того, что об [этом] 10 говорят. Ведь все, что есть, согласуется с истиной, а между ложью и истиной очень скоро обнаруживается несогласие.

Итак, блага подразделяют на три вида: так называемые внешние, относящиеся к душе и относящиеся к телу, причем благами в собственном смысле слова и по преимуществу мы называем блага, относящиеся к душе, а относящимися к душе мы полагаем действия души и ее деятельности⁴⁸. Таким образом, получается, что наше определение [высшего блага и сча-

стья] правильно, — по крайней мере, оно согласуется с воззрением, которое, будучи древним, разделяется и философами.

Верно оно еще и потому, что целью оно называет известные действия и деятельности, ибо тем самым
20 целью оказывается одно из благ, относящихся к душе, а не одно из внешних благ.

С [нашим] определением согласуется и то [мнение], что счастливый благоденствует и живет благополучно, ибо выше мы почти было назвали счастьем некое благоденствие и благополучие (*euzōia kai eurychia*).

9. Кажется, все, что обычно видят в счастье, — все это присутствует в [данном нами] определении.

Одним счастьем кажется добродетель, другим — рассудительность, третьим — известная мудрость, а иным — все это [вместе] или что-нибудь одно в со-
25 единении с удовольствием или не без участия удовольствия⁴⁹; есть [наконец] и такие, что включают [в понятие счастья] и внешнее благосостояние (*eyetēgia*). Одни из этих воззрений широко распространены и идут из древности, другие же разделяются немногими, однако знаменитыми людьми. Разумно, конечно, полагать, что ни в том ни в другом случае не заблуждаются всецело, а, напротив, хотя бы в каком-то одном отношении или даже в основном бывают правы.

30 Наше определение, стало быть, согласно с [мнением] тех, кто называет счастье добродетелью или какой-то определенной добродетелью, ведь добродетели свойственна деятельность сообразно добродетели. Соответственно, немаловажно следующее различение: понимать ли под высшим благом обладание добродетелью или применение ее, склад души (*hexis*) или

Аристотель

А 81 Никомахова этика / Аристотель ; пер. с др.-греч. Н. Брагинской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 448 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-19016-0

Среди трех этико-философских трудов, которые историческая традиция связывает с именем и кругом идей Аристотеля, авторство «Никомаховой этики» вызывает наименьшие сомнения у современных ученых. В трактате, посвященном рассмотрению нравственных проблем личности и общества и обоснованию принципа разумного поведения и умеренности, один из величайших древнегреческих мыслителей ставит и всесторонне анализирует важнейшие вопросы человеческого бытия: Что есть благо? Что есть счастье? Что есть добродетель? Что есть право и правосудие? Чем правосудность отличается от справедливости? Как устроена душа? И зачем философу друг?

Книга содержит обширные комментарии, указатели; перевод «Никомаховой этики» Н. В. Брагинской представлен в новой редакции, с исправлениями.

УДК 17
ББК 87.7

Литературно-художественное издание

АРИСТОТЕЛЬ
НИКОМАХОВА ЭТИКА

Ответственные редакторы Сергей Антонов, Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Ольга Попова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.04.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 19,74.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFA-27704-01-R